

«МЯГКАЯ СИЛА» И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. А. Сулейков

*Младший научный сотрудник ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», г. Минск,
Беларусь
suleykov@bk.ru*

Статья посвящена значению концепции «мягкой силы» в контексте процесса государственного управления. Основное внимание автор уделяет теоретическим аспектам применения «мягкой силы» при осуществлении внутривластного государственного курса, а также влияния «мягкой силы» на управленческую практику.

Ключевые слова: «мягкая сила»; государственная политика; государственное управление; политическая власть; административная реформа.

«SOFT POWER», PUBLIC POLICY AND PUBLIC ADMINISTRATION

A. A. Suleikau

*Junior researcher, Institute of economics of the NAS of Belarus
suleykov@bk.ru*

The article is devoted to the meaning of the concept of "soft power" in the context of the public administration process. The author focuses on the aspects of the "soft power" usage in the implementation of the internal political state course, as well as the influence of "soft power" on management practice.

Keywords: «soft power»; public policy; public administration; political power; administrative reform.

Концепция «мягкой силы», в следствие своих эссенциальных свойств, занимает существенное место в той части научно-политического дискурса, которая связана с анализом как феномена власти как такового, так и отдельных ее форм и проявлений. Это продиктовано хотя бы тем, что сам автор концепции, американский политолог Дж. Най, охарактеризовал «мягкую силу» как способность добиваться того, что тебе нужно через привлекательность (attraction) более чем через принуждение или плату [1]. В то же время, в политической науке, как правило, под властью понимается способность и возможность осуществлять свою волю, определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства. Сам термин «мягкая сила» был введен в лексикон политической науки Дж. Наем в 1990 г. Однако, наибольшую известность данная концепция получила благодаря более поздней работе Дж. Ная «Soft power: the means to success in world politics», которая была издана в 2004 г. (в

русском переводе книга вышла под названием «Гибкая власть: средства достижения успеха в мировой политике») [2]. В изначальном варианте перевода англоязычного понятия «softpower» на русский язык данное явление напрямую связывалось с властью как социополитическим феноменом. Однако, позднее, в русскоязычном дискурсе устоялся термин «мягкая сила». Связано это, прежде всего, было с тем, что одним из основных полей применения и использования «мягкой силы» стала сфера международных отношений, которая характеризуется отсутствием властной иерархии, а взаимодействие акторов скорее привязывается на коэффициент того или иного вида силы актора.

Дж. Най под силой вообще понимает способность актора влиять на поведение других акторов. Применительно к сфере международных отношений под силой он понимает способность оказывать влияние на поведение других акторов для достижения желаемых результатов. При этом, силовое воздействие в данном смысле осуществляется посредством [3]:

- 1) принуждения или угрозы принуждения («кнута»);
- 2) вознаграждения, стимулирования путем предоставления определенных экономических благ («пряник»);
- 3) побуждения, проистекающего из привлекательности государства, которая ненавязчиво заставляет другого желать того же, чего желает субъект, оказывающий воздействие.

Най выделил следующие типы «силы», присущие государству и производные от способов оказания силового воздействия:

- 1) «Жесткая сила». Она включает в себя и военную мощь, и экономическое превосходство («Кнут» и «пряник»);
- 2) «Мягкая сила», осуществляемая посредством третьего способа оказания силового воздействия – посредством привлекательности.

К «жесткой силе» Най относит военную силу и угрозу ее применения, разного рода формы экономического давления, например, санкции и другие меры принуждения. Таким образом, суть и «жесткой силы», и «мягкой силы» примерно сходна: она заключается в способности достичь поставленной цели путем воздействия на поведение других акторов. Разграничительной чертой между ними является инструментарий, при помощи которого власть осуществляется. Разница между ними заключается в инструментах: проецирование «Жесткая сила» реализуется через принуждение и навязывание своей воли, тогда как эффективное действие «мягкой силой» формируется через механизмы согласования внешнеполитических акций и вовлечение в сотрудничество более широкого характера, как правило, на базе единых культурных, политических, экономических и идеологических ценностей, такому сотрудничеству благоприятствующих и позволяющих оказывать влияние на другие страны [4]. «Жесткая сила» характеризуется прямым влиянием на объект. Воздействие «мягкой силы» на объект носит непрямой, косвенный характер.

В целом, согласно Дж. Наю, основания «мягкой силы» можно систематизировать следующим образом:

1) культура, как «высокая», так и «массовая» (в тех ее частях, которые привлекательны для других), представляющая собой набор значимых для общества ценностей;

2) политические ценности (когда они жизнеспособны как внутри страны и выражаются в конкретном политическом курсе, так и за рубежом);

3) внешняя политика (в случае, если она носит легитимный характер, целесообразна с точки зрения морали и соответствует провозглашаемым политическим ценностям).

Эти основания являются и главными ресурсами, формирующими «мягкую силу» государства. Культура и политические ценности являются частью исторического наследия нации, в то время как внешняя политика как внешнеполитический курс носит субъективный кратковременный характер.

Важно упомянуть, что у «мягкой силы» существуют два содержательных аспекта [5]. Первый аспект – это пассивная «мягкая сила». Данный тип «мягкой силы» состоит из определенных статичных черт, присущих тому или иному государству, той или иной нации. Фактически, данный аспект «мягкой силы» является статичным её проявлением, поскольку для того, чтобы задействовать пассивную «мягкую силу» не требуется дополнительных усилий или действий. Вторым содержательным аспектом «мягкой силы» является активная «мягкая сила». Данный аспект проявляется в случае, когда тот или иной актор делает определенные шаги к тому, чтобы донести до другого актора свои преимущества и сформировать в общественно-политическом пространстве этого актора позитивный образ себя или выгодную для себя ценностную позицию или позицию по тому или иному международному вопросу [6].

Най трактует «мягкую силу» как косвенный способ осуществления власти. «Мягкая сила» действует лишь побуждая других следовать определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата фактически без принуждения. При этом американский политолог подчеркивает, что «мягкая сила» ни в коем случае не идеалистична, а является лишь инструментом, который может быть использован как во благо (всеобщее или сугубо национальное), так и во вред.

«Мягкая сила» как социально-политическое явление может быть раскрыто на следующих уровнях:

1. «Мягкая сила» как одна из форм власти, присущая человеческому социуму, применение которой возможно при осуществлении управления государственной и общественной системой.

2. «Мягкая сила» как компонент социально-политического влияния того или иного субъекта как внутренней, так и международной политики, продуцируемый привлекательностью его образа, ценностей, идеологии или тех или иных функциональных черт субъекта.

3. «Мягкая сила» как набор определенных политических технологий, применяемых для продвижения национальных интересов того или иного государства как на международной арене, так и на внутривластном поле акторов международных отношений и направленных на продуцирование аспекта «мягкой силы», раскрытого в предыдущем пункте.

Таким образом, очевидно, что «мягкая сила» как властный феномен, преимущественно, сферы международных отношений, тем не менее имеет неразрывную связь с публичной политикой и государственным управлением как таковыми. В целом, многообразие форм взаимодействия процесса государственного управления и «мягкой силы» видится возможным свести к следующим обобщенным категориям.

1) «Мягкая сила» выступает в качестве аспекта и инструмента государственного управления. То есть, аппарат государственного управления использует «мягкую силу» как совокупность технологий для расширения своего влияния внутри государства как формы организации общества. «Мягкая сила» применяется для осуществления непрямого управления социальными процессами, повышения авторитета и легитимности существующего строя и формирования политико-психологических паттернов поведения, способствующих укреплению сформировавшегося в государстве status quo. Ключевым субъектом применения «мягкой силы» становится государственный аппарат, а объектами – общество и его институты. Во многом, это сближает концепцию «мягкой силы» с одной из ее «предтеч» – концепцией «культурной гегемонии» А. Грамши.

Как в случае и с использованием «мягкой силы» в международных отношениях, можно констатировать факт того, что «мягкая сила» использовалась в управлении внутривластными процессами задолго до институализации концепции «мягкой силы» [7]. Так, российский политолог Ю. В. Ярмук в ряде своих работ отмечает, что идея «мягкой силы» и различные способы ее применения возможно обнаружить уже в ранних государствах. В частности, «мягкая сила» применялась внутри государств уже в древних Египте, Шумере, Вавилоне, Карфагене. В частности, к первым случаям использования «мягкой силы» Ярмук склонен относить как институт обожествленного правителя (фараона) в Египте, так и чрезвычайную влияние касты жрецов в Древнем Шумере. Особый акцент делается на феномене, который в последствии встречался и в истории Древнего Рима, и Древнего Китая – культурная ассимиляция завоевателей и принятие ими образа жизни коренного населения как более цивилизованного и продуктивного.

В современном мире, по мнению некоторых исследователей, значимость «мягкой силы» как инструмента государственного управления возрастает в силу того, что сверхскоростные структурные изменения в системе общественных отношений, утрата значимости и регулирующего потенциала традиционными институтами привели к ситуации «диффузии власти». Так, по мнению кандидата политических наук Е. О. Сониной [8],

Власть и влияние приобретают полицентричную и многоуровневую организацию, предполагающую не только (и даже не столько) скоординированные, формализованные, прогнозируемые действия, но и действия относительно автономные, не прогнозируемые и не очевидные. Таким образом, государство теряет монополию ключевого субъекта влияния во внутренней политике.

Возможность применения «мягкой силы» во внутренней государственной политике признает ряд китайских исследователей, что в своей работе отмечает кандидат политических наук Д. М. Ковба.

2) Государственный внутривластный курс выступает в качестве фактора, влияющего на «мягкую силу» государства, как положительно, так и отрицательно. Так, именно внутривластный курс и специфика системы государственного управления может рассматриваться как одна из слабых точек «мягкой силы» КНР в случае применения ее к целевой аудитории в США и странах Западной Европы. В то же время, экономический потенциал и культурный элемент «мягкой силы» этой же аудиторией могут восприниматься крайне положительно.

3) Некоторые процессы, протекающие в рамках как самого процесса государственного управления, так и управленческого аппарата, являются следствием влияния, продуцируемого иностранной «мягкой силой». В частности, в качестве примера подобного воздействия доктор политических наук Е. Г. Дьякова приводит т.н. «административную моду», то есть склонность государственных служащих заимствовать те и или иные управленческие решения из практики тех или иных стран [9]. Так, если в начале XXI-го века законодателями такой моды являются США, то в конце XIX-го века многие управленческие практики заимствовались у кайзеровской Германии и Франции. По мнению Е. Г. Дьяковой, популярность идей «электронного правительства», «корпоративного управления» и «нового государственного менеджмента» во многом продиктовано не столько эффективностью данных практик как таковых, сколько существующим образом «успешности» стран коллективного Запада [9]. При этом реальная результативность управленческих реформ может не учитываться, а приведение системы государственного управления к общему «цивилизованному» стандарту становится самоцелью. Сам же концепт, выработанный в рамках той или иной системы, и имплементируемый в управленческую практику не является «нейтральным», а содержит сущностные черты, присущие породившей его политико-экономической системы.

Таким образом, «мягкая сила», как в следствие властного характера феномена, так и в следствие ее гибкости как набора политических методик и технологий, целенаправленно и стихийно влияет и встраивается в практику определения государственного политического курса и государственного управления.

Библиографические ссылки

1. Nye J. Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE non-profit organization. [Electronic resource]. URL: <http://net.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf>. (date of access: 13.01.2021).
2. Nye J. S. Soft power: the means to success in world politics. New York : Public Affairs. 2004. 191 p.
3. Вилков М. А., Наумов А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов начале XXI века // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 191–196.
4. Русакова О. Ф., Ковалева Д. М. «Мягкая сила» и «Умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. 2013. № 3 (41). С. 15–19.
5. Паршин П. Б. Два понимания «Мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО. 2014. № 2 (35). С. 14–21
6. Пономарева Е. Г. Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс] URL: [www. Rustfact.ru/node/6256](http://www.Rustfact.ru/node/6256) (дата обращения: 13.01.2021).
7. Ярмак Ю. В. «Мягкая сила» в коммуникативном пространстве государственного управления: история вопроса // Дискурс-Пи. 2014. № 4. С. 69–75
8. Сони́на Е. О. Перспективы применения технологий soft power в государственном управлении: опыт административной реформы в современной России // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4(28–29). С. 247–253.
9. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Механизмы «soft power»: как локальная административная мода становится глобальной // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4(28–29). С. 229–237.